

ИГОРЬ
ВОЛГИН

ИГОРЬ ВОЛГИН

СОЧИНЕНИЯ В СЕМИ ТОМАХ

Последний год Достоевского

Родиться в России

Екатерининский канал

Пропаший заговор

Странные сближенья

Ничей современник

Стихи и о стихах

ИГОРЬ ВОЛГИН

НИЧЕЙ

СОВРЕМЕННОК

Четыре круга Достоевского

Нестор-История
Москва – Санкт-Петербург
2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В67

Издание осуществлено при поддержке проекта № 18-012-90021 РФФИ

Волгин И.

В67 Ничей современник. Четыре круга Достоевского. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 736 с.

ISBN 978-5-4469-1617-7

В книге, основанной на первоисточниках, впервые исследуется творческое бытие Достоевского в тесном соотношении с реальным историческим контекстом, с коллизиями личной жизни писателя, проблемами его семьи. Реконструируются судьба двух его браков, внутрисемейные отношения, их влияние на творческий процесс.

На основе неизвестных архивных материалов воссоздаётся уникальная история «Дневника писателя», анализируются причины его феноменального успеха. Круг текстов Достоевского соотносится с их бытованием в историко-литературной традиции (В. Розанов, И. Ильин, И. Шмелёв).

Аналитическому обзору и критическому осмыслению подвергается литература о Достоевском рубежа XX–XXI веков.

Фото на обложке Е. А. Волгиной

ISBN 978-5-4469-1617-7

© Волгин И., 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 7

Часть I **В кругу России**

«Дневник писателя» как исторический феномен

Глава 1. «И гениальность, и юродство...»	12
Глава 2. «Интереснейшее лицо...»	22
Глава 3. «Что за ребяческий бред...»	28
Глава 4. Редакционный архив	46
Глава 5. «Все его любят...»	64
Глава 6. С дозволения цензуры	89
Глава 7. Что же есть истина?	117
Глава 8. Текст и контекст	135

Революция и власть

Глава 9. Доказательство от противного	146
Глава 10. Исчезновение героя	188

Часть II **В кругу словесности**

Глава 1. Долг, равный жизни	207
Глава 2. Homo substitutus: человек подменённый	233
Глава 3. Достоевский и Розанов: школа жанровых имитаций	251
Глава 4. «Стихи не твоя специальность»	264

Глава 5. Достоевский в изгнании	272
Глава 6. Осторожно — дети!	290

Часть III
В кругу семьи

Глава 1. «Брат, столько лет сопутствовавший мне...»	309
Глава 2. «Шёл племянник мой Карепин...»	361
Глава 3. Последыш	373
Глава 4. “Еheu!”	377
Глава 5. Неравный брак	411
Глава 6. Большая игра	464
Глава 7. Пасынок природы	503

Часть IV
В кругу интерпретаций

Глава 1. Незавершённый диалог	561
Глава 2. Что напишем на памятнике?	583
Глава 3. Воссозданный Достоевский	590
Глава 4. «Меж непонятого маранья...»	602
Глава 5. «Шестая» точка зрения, или Как мужички за себя постояли	607
Глава 6. Возлюбленные Достоевского	613
Глава 7. Журнальный неудачник	624
Глава 8. Остановите Парфёна	636
Глава 9. Как я был консультантом	643
Ничей современник. Вместо послесловия	653

Приложение

Письма И. С. Аксакова к Ф. М. Достоевскому	667
Неизвестные фрагменты «Дневника писателя»	689
Именной указатель	720

ОТ АВТОРА

Выступая с трибуны I Съезда советских писателей (1934), где Достоевский был аттестован М. Горьким как «злой гений наш», другой оратор (В. Шкловский) постарался по мере сил наполнить эту сентенцию реальным содержанием: «...что если бы сюда пришёл Фёдор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменников».

Очевидно, «наследники человечества», коими мнили себя участники съезда, намеревались призвать к ответу автора «Бесов» за его отказ от идеалов собственной юности и, *следовательно*, от идеалов гуманизма. Правда, наряду с этой интересной (и типичной для своего времени) гипотезой существует другая, причисляющая Достоевского как раз к числу «добрых гениев» и полагающая его едва ли не самым глубоким выразителем тайн мирового сознания.

Достоевский столь же разнолик, сколь разнолик и неисчерпаем русский национальный дух. Его творческая природа столь же многообразна, сколь многообразна природа страны, его породившей. В нём сходятся главные линии нашей истории и судьбы.

В этой книге предпринята попытка универсального (насколько это позволяют новейшие гуманитарные стратегии) охвата личности и творчества Достоевского — в их нерасторжимом и сокровенном единстве. Духовное и бытовое существование писателя рассматривается в широком историческом контексте, в тесной

связи с общественными и семейными страстями, с восприятием «злого гения» его современниками.

Книга складывается из четырёх частей-кругов, которые внутренне соотносятся друг с другом.

В круге первом речь идёт об уникальном, единственном в своём роде явлении отечественной литературы и журналистики — «Дневнике писателя», о загадке его художественной природы и о его роли в исторической жизни России. Издание этого моножурнала позволило автору «Дневника» стать одной из ключевых национальных фигур и оказывать мощное воздействие на умонастроения русского общества. Кроме того, впервые благодаря огромному читательскому интересу был создан прецедент обратной связи.

В круге втором авторское внимание сосредоточено на некоторых болевых точках художественного мира Достоевского и коллизиях, связанных с восприятием его текстов как публикой, так и властью.

В круге третьем исследуются малоизвестные или вовсе неизвестные сюжеты, сопряжённые с личной жизнью Достоевского и историей его семьи (в том числе — историями двух писательских браков, отношениям с пасынком и т. д.). Здесь же прослежена судьба некоторых членов рода Достоевских — как сопутствовавших писателю, так и родившихся после его смерти.

В круге четвёртом затрагивается ряд интерпретаций Достоевского за последние полвека. Это важно не только для уяснения позднейших оценок его жизни и творчества, но и для характеристики нашего собственного общественного сознания.

Часть I
В кругу России

«Дневник писателя» как исторический феномен

«Дневник писателя» по совокупному объёму не уступает крупнейшим романам Достоевского. По своему литературному типу он не имеет аналогов в истории русской и мировой журналистики. Двух этих указаний было бы достаточно, чтобы оценить значение «Дневника».

Меж тем изучение моножурнала Достоевского до недавнего времени оставалось белым пятном в науке. Не было никакой определённости в том, к какому виду литературы он относится. Действительно, его собственная природа столь необычна, его положение в иерархии литературных жанров столь подвижно и неустойчиво, его историческая репутация, наконец, столь двусмысленна и неопределённа, что невольно возникает вопрос: что есть «Дневник»?

Но прежде всего следует выяснить два, на наш взгляд, ключевых момента:

Историческую природу «Дневника».

Отношение к нему русского общества.

Ниже мы попытаемся показать, что сам способ существования «Дневника» содержателен: он, этот способ, отнюдь не безразличен к художественной природе издания.

Ограничимся, в основном, «Дневником писателя» 1876–1877 гг., т. е. того периода, когда он выходил без перерыва, ежемесячно, как независимый печатный орган.

ГЛАВА 1

«И ГЕНИАЛЬНОСТЬ, И ЮРОДСТВО...»

Общий обзор источников

Под именем «Дневник писателя» известны следующие произведения Достоевского: 1. Заметки, публиковавшиеся в качестве отдельной рубрики в журнале «Гражданин» (1873 г.); 2. Самостоятельное ежемесячное издание 1876–1877 гг.; 3. Единственный выпуск (август) за 1880 г.; 4. Возобновлённое периодическое издание 1881 г. (успел выйти только январский номер, поступивший в продажу в день похорон Достоевского).

В 1876 г. вышло одиннадцать выпусков «Дневника» (один двойной); в 1877 г. — десять (два двойных). Объём номера колебался от 25 до 33 страниц (сдвоенные номера — 47 страниц). Текст печатался в две колонки и подразделялся, как правило, на две большие главы, каждая из которых состояла из нескольких малых главок, имевших собственные названия.

«Дневник» совмещал в себе элементы различных печатных жанров. Текст начинался сразу после заголовка, подпись автора стояла в конце каждого выпуска, однако нумерация страниц в течение всего года была сквозная (в 1876 г. — 335 с., в 1877 — 326 с.). По объёму «Дневник» напоминал брошюру, по формату — еженедельную газету, по периодичности — ежемесячный журнал, по признаку авторства — отдельную книгу. Цена одного выпуска равнялась 20 коп. (в 1877 г. в связи с успехом издания она была повышена до 25 коп.), стоимость годовой подписки составляла 2 р. 50 коп.

«Дневник» обычно выходил в последний день каждого месяца (иногда — с большими опозданиями). В конце года ежемесячные выпуски сбросжуровывались и продавались в качестве отдельной книги.

Единственным автором, редактором и издателем «Дневника» являлся Достоевский.

После смерти писателя «Дневник» входил во все дореволюционные собрания его сочинений. Все они (кроме 5-го и 8-го) осуществлялись А. Г. Достоевской. Перечислим эти издания, отмечая в скобках тома, которые занимал «Дневник» 1876–1877 гг.: первое (1882–1883) в 14 т. (11, 12), второе (1885) — 6 т. с предисловием Д. Аверкиева (5), третье (1888–1889) в 12 т. с предисловием К. К. Случевского (10, 11), четвертое (1888–1891) в 12 т. с предисловием К. К. Случевского (10, 11), пятое (1894–1895), издание А. М. Маркса, приложение к «Ниве» в 12 т. с предисловием В. В. Розанова (т. 10, ч. I и ч. II, т. 11, ч. I и ч. II), шестое (юбилейное, 1904–1905) в 14 т. с предисловием С. М. Булгакова (11, 12), седьмое в 12 т. (10, 11), восьмое — 1918, изд-ва «Просвещение» в 23 т. (20, 21). Единственное советское издание (до 80-х гг. XX в.), включившее в себя «Дневник писателя», — собрание художественных произведений Достоевского в 13 т. (М.; Л., 1930) под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. «Дневник», которому предпослана вступительная статья В. А. Десницкого, занимает здесь т. 11-й и 12-й. Первое научное издание «Дневника писателя» с подробным историко-литературным комментарием осуществлено в 1972–1990 гг. в составе Полного академического собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде)¹.

Укажем также тексты, не вошедшие в прижизненные издания «Дневника». В начале 1920-х гг. С. А. Переселенков опубликовал запрещённую цензурой главку из январского выпуска (1877 г.)². В 1930 г. В. Л. Комарович обнаружил небольшой фрагмент (о Петербурге) из второй главы майского выпуска 1876 г.³, в 1940 г. А. С. Долинин привёл ещё ряд неопубликованных отрывков⁴.

¹ В этом завершённом в 1990 г. издании «Дневник писателя» занимает т. 21–27.

² См.: Старина о «петрашевцах» / Публ. и вступ. ст. С. Переселенкова // Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 1. Пг., 1922. С. 369–375.

³ См.: Комарович В. Л. Петербургские фельетоны Достоевского // Фельетоны сороковых годов. М.—Л., 1930. С. 118–119.

⁴ См.: Долинин А. С. Новое о Достоевском // Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского, факультет языка и литературы. 1940. Т. 4, вып. 2. С. 311–320.

Автору этих строк удалось обнаружить несколько неизвестных текстов, относящихся к «Дневнику» 1876 г., а также впервые связать тексты, публиковавшиеся ранее, с цензурной историей «Дневника»⁵. Кроме того, им были опубликованы и другие ранее неизвестные, значительные по объему фрагменты⁶. Укажем также другие публикации⁷.

Первоначально в 86-м томе «Литературного наследства», а затем в Полном собрании сочинений опубликованы записные тетради Достоевского к «Дневнику», которые содержат значительное количество подготовительных материалов. Ценнейшим источником по истории «Дневника» является также его редакционный архив, который до 1970-х гг. практически не изучался⁸.

Большое значение для истории «Дневника» имеют письма самого Достоевского⁹, а также упоминания о «Дневнике» в переписке современников¹⁰.

Особую группу источников составляют свидетельства мемуаристов. По своему характеру свидетельства эти весьма различны. Так, А. Г. Достоевская, фактически соиздательница «Дневника», почти не касается его идейной истории и ограничивает свои наблюдения кругом житейских и литературно-бытовых реалий. Вместе с тем она сообщает такие подробности, которые недоступны любому другому воспоминателю. Мемуары А. Г. Достоевской освещают издательскую историю «Дневника» как бы изнутри¹¹.

Прямое касательство к изданию «Дневника» имеют воспоминания его метранпажа М. А. Александрова¹²: он сам в какой-то

⁵ См.: *Волгин И. Л.* Достоевский и царская цензура: к истории издания «Дневника писателя» // Рус. литература. 1970. № 4. С. 104–124. См. также: *Волгин И. Л.* Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М., 2004. С. 94–118.

⁶ См.: Лит. наследство. Т. 86. М., 1973. С. 59–81. См. Приложение.

⁷ См.: Там же. Т. 86. С. 82–100 и др. См. Приложение.

⁸ См.: *Волгин И. Л.* Редакционный архив «Дневник писателя» // Рус. литература. 1974. № 1. С. 150–161. См. также: *Волгин И. Л.* Возвращение билета. С. 56–93.

⁹ См.: *Достоевский Ф. М.* Письма / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. Т. 1–4. М.–Л., 1928–1959 (далее — Письма). См. также: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28–30. Далее это издание: ПСС с указанием тома и страниц.

¹⁰ См.: Лит. наследство. Т. 86.

¹¹ См.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971 и др. издания.

¹² См.: Фёдор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика в 1872–1881 годах // Рус. старина. 1892. № 4. С. 177–207; № 5. С. 293–335.

мере является фигурантом издательской истории, поэтому его свидетельства имеют для нас особую ценность.

Но если, скажем, Анна Григорьевна и М. А. Александров живописуют Достоевского, главным образом, со стороны бытовой и житейской, то воспоминания таких деятелей, как Страхов¹³ или кн. В. П. Мещерский¹⁴, претендуют на большее. Оба названных автора — активные участники литературной и общественной борьбы 1870-х гг., оба находились с Достоевским в сложных, неровных отношениях. У Страхова, например, мы почерпнем немало интереснейших фактических сведений. При этом, однако, не следует забывать, что упомянутый автор в печально знаменитом письме к Толстому нравственно дезавуировал свою полицию воспоминателя¹⁵. Что касается кн. Мещерского, который при жизни Достоевского не раз становился объектом его раздражения и гнева, то у него, последовательного консерватора, пресловутого «князя-точки» (он требовал поставить «точку» после реформ 1860-х гг.), также имелись основания нарисовать такой образ писателя, который не столько характеризует автора «Дневника», сколько свидетельствует об известной направленности памяти самого мемуариста¹⁶.

Любопытны воспоминания известного в своё время писателя Вс. Соловьёва (сына историка С. Соловьёва и брата философа Вл. Соловьёва)¹⁷. В 1876—1877 гг. Вс. Соловьёв был довольно близок с Достоевским и мог непосредственно наблюдать его редакционно-издательскую деятельность. Следует вместе с тем иметь в виду следующее признание самого Вс. Соловьёва: «...многое я не мог внести в свои печатные воспоминания об этом человеке великого духовного порыва и вместе великого греха»¹⁸.

¹³ См.: *Страхов Н. Н.* Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883.

¹⁴ См.: *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2 (1865—1881).

¹⁵ См.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894. СПб., 1914. С. 307—308. См. также: *Волгин И. Л.* Последний год Достоевского. М., 2017. С. 237—252.

¹⁶ Выразительную характеристику Мещерского см. в кн.: *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 74—81. Автор, в частности, пишет, что мнения Мещерского «требуют к себе сверхкритического отношения» (с. 23). Нам не раз приходилось убеждаться в справедливости этого предупреждения.

¹⁷ См.: *Соловьёв Вс.* Воспоминания о Достоевском // Исторический вестник. 1881. № 3. С. 602—616; № 4. С. 839—853.

¹⁸ Цит. по: *Измайлов А.* Литературный Олимп. М., 1911. С. 465.

Важным источником по истории «Дневника» являются материалы русской периодической печати. Печатные отклики — первый публичный комментарий к моножурналу Достоевского. Сопоставленные с частной, «негласной» оценкой, т. е. с читательскими письмами, они помогают проследить внутреннюю динамику общественного мнения, его колебания, связанные с особенностями исторической ситуации 1876–1877 гг.

Таков в основном круг источников, которые необходимо иметь в виду, приступая к изучению «Дневника».

«И гениальность, и юродство...»

На третий день после выхода первого «Дневника» в «Петербургской газете» появились десять стихотворных строк, подписанных инициалами О. Др. (Общий друг):

Ф. Достоевскому по прочтении его «Дневника»

Вот ваш «Дневник»... Чего в нем нет?
И гениальность, и юродство,
И старческий недужный бред,
И чуткий ум, и сумасбродство,
И день, и ночь, и мрак, и свет.
О Достоевский плодовитый!
Читатель, вами с толку сбитый,
По «Дневнику» решит, что вы —
Не то художник даровитый,
Не то блаженный из Москвы¹⁹.

Разумеется, эти стихи Дм. Минаева нельзя отнести к разряду научных сочинений. Но, очевидно, их автор и не подозревал, что его хлесткая характеристика надолго переживет злобу дня, чтобы в тех или иных модификациях прочно утвердиться в позднейшей «серьезной» литературе.

В первые десятилетия после смерти Достоевского не появилось ни одной работы о «Дневнике». Что же касается беглых оценок этого издания в либеральной и отчасти народнической публицистике, то дело не шло далее формальной констатации внутренней противоречивости «Дневника». «Далеко нельзя сказать, — писал Скабичевский, — чтобы реакционное направление вполне овладело Достоевским... В «Дневнике писателя» рядом

¹⁹ Петербургская газета. 1876. № 23. 3 фев.

с славянофильскими и мистическими разглагольствованиями, словно оазис в степи, прорываются взгляды и образы, поражающие вас светлостью и глубиной»²⁰.

В общем, знакомое минаевское «и день, и ночь, и мрак, и свет».

Постепенно в критической литературе утверждается тезис, получивший признание ещё при жизни Достоевского, — тезис о «второсортности» «Дневника»: он рассматривается как некий привесок к «основному» творчеству писателя.

Представители русского «философского ренессанса» также не оставили каких-либо трудов о «Дневнике», хотя обращались к нему довольно часто. Любопытно, что, полемизируя почти по всем пунктам с либерально-народническими оценками творчества Достоевского, указанные авторы не внесли принципиальных изменений в традиционно негативную трактовку «Дневника»²¹.

Таким образом, всё или почти всё, что было написано о «Дневнике» в дооктябрьский период, не выходило за рамки критической эссеистики. «Дневник писателя» оставался вне научно-исторического анализа.

Первая работа собственно о «Дневнике» появилась лишь в 1920-х гг. Она принадлежала перу рано умершего исследователя В. А. Сидорова (это была посмертная публикация). «Если на самом деле удастся установить, — пишет Сидоров, — что “Дневник писателя” создавался не публицистом, а художником, то такое смещение методов мышления естественно должно привести к полной неразберихе. Спутанность методов приведет только к спутанности и неопределенности тех понятий, которыми орудует Достоевский»²².

Думается, что Сидоров совершенно прав, говоря о трудностях «логического выражения мировоззрения Достоевского». Но означает ли это, что научный подход к данной проблеме вообще невозможен?

Это — проблема идейной интерпретации «Дневника». Проблема, зависящая всё от того же вопроса: что есть «Дневник»?

²⁰ Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848–1898). СПб., 1900. С. 184.

²¹ См.: Шестов Л. Достоевский и Нитше (Философия трагедии). СПб., 1903. С. 21; Мережковский Дм. Пророк русской революции. СПб., 1906. С. 2; Бердяев Н. Откровения о человеке в творчестве Достоевского // Русская мысль. 1918. Март–июнь. С. 48.

²² Сидоров В. А. О «Дневнике писателя» // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Л.–М., 1924 (на обложке — 1925).

Традиционная ли публицистика или некая художественная данность, не получившая ещё четкого жанрового определения? И возможно ли подобное определение вообще?

Механический «перевод» «Дневника писателя» с его собственного языка на язык «чистой теории» ни в коей мере не отразит идеологию самого Достоевского. В то же время «Дневник», взятый как целостность, как особая форма художественного сознания, может явить нам такие моменты, которые были доминирующими в его реальной исторической жизни, но оказались совершенно неразличимыми для позднейшей критической традиции.

Почти все писавшие о Достоевском в 1920-х гг. исходили из той мысли, что «Дневник писателя» выражает идеологию его автора в наиболее «чистом» виде. «Тут, — замечает В. Ф. Переверзев, — мы действительно имеем дело с его религиозными, политическими и социальными воззрениями, которые можно исследовать с точки зрения логической и фактической обоснованности, можно доказать их слабость и несостоятельность и выбросить, как хлам»²³.

Любопытно, как спорит с В. Ф. Переверзевым В. А. Десницкий: «...согласимся, что Достоевский был плохим мыслителем (но всё же мыслителем!), что его философские, религиозные и иные воззрения для вас “хлам”. Но утверждать, что этот “хлам”, что публицистика Достоевского не оказала никакого влияния, не оставила никакого следа на его “живых характерах”, у нас нет решительно никаких оснований...»²⁴

Это нечто новое в подходе к «Дневнику». В критике 1920-х гг. он удостоивается следующего полупризнания: «Весь “Дневник” является публицистическим комментарием к художественным образам Достоевского». Любопытно, что, высказав столь категорическое суждение, его автор несколькими строками ниже пишет: «Древние образы негодующих библейских пророков и обличающих предтеч вспоминаются невольно при чтении этих страстных и возмущенных страниц, полных самых разрушительных протестов против неумирающего фарисейства. И, может быть, более, чем все его художественные создания, “Дневник писателя” достоин называться “Книгой великого гнева”»²⁵.

²³ *Переверзев В. Ф.* Творчество Достоевского. М.—Л., 1928. С. 60–61.

²⁴ *Десницкий В. А.* Публицистика и литература в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. худ. произведений. М., 1929. Т. 11. С. 2.

²⁵ *Войтоловский Л. Ф.* М. Достоевский // Ф. М. Достоевский. Никитинские субботники. М., 1928. С. 203–204.

Как видим, за «публицистическим комментарием» признаётся некая самостоятельная сила.

Один из крупнейших знатоков Достоевского, А. С. Долинин писал: «Утверждаем здесь пока только о последнем периоде жизни Достоевского, — только о “Дневнике писателя” 1876—1880 гг. — русскую революцию Достоевский отражал тогда не в меньшей степени, чем Толстой — это уж во всяком случае, и гораздо ярче, гораздо страстнее, с гораздо большим проникновением в страдания, в неисчислимы бедствия масс...»²⁶

Отметим, что Долинину принадлежит ряд других весьма ценных замечаний о «Дневнике»²⁷.

В 1934 г. Л. П. Гроссман обнародовал документы о взаимоотношениях Достоевского с высшими правительственными сферами. Переписка автора «Дневника» с К. П. Победоносцевым, подаренная писателю фотография великого князя (будущего поэта К. Р.) с собственноручной августейшей надписью и т. д. и т. п. — всё это, по-видимому, произвело на Л. Гроссмана чрезвычайное впечатление. Им делается вывод об идеологической завербованности писателя, который под пером исследователя превращается в искусного исполнителя социального заказа. «Он как бы вменяет себе задание, — пишет об авторе “Дневника” Л. Гроссман, — привести отплаченную мысль на службу царизму и закрепить его верховное влияние своим авторитетным словом писателя»²⁸.

Л. Гроссман наиболее ярко сформулировал ту точку зрения, которая, по сути дела, стала господствующей в литературе. Подобная характеристика считалась настолько исчерпывающей, что вопрос о специальном изучении «Дневника» в дальнейшем даже не поднимался.

Почти полное отсутствие специальных исследований, посвящённых «Дневнику», представлялось особенно странным на фоне поистине необозримой и всё увеличивающейся литературы о Достоевском. Поразительно, что при существовании самого пристального интереса ко всем видам деятельности великого писателя, пробел образовался именно там, где творческая личность Достоевского, его идеология и его реальное историческое бытие

²⁶ Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935. С. 24—25.

²⁷ См.: Долинин А. С. 1) Последние романы Достоевского. М.—Л., 1963. С. 239—240; 2) В творческой лаборатории Достоевского. М., 1947.

²⁸ Гроссман Л. П. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // Лит. наследство. Т. 15. 1934. С. 83.

сопряглись столь неразрывно и со столь впечатляющим общественным эффектом.

Один из относительно поздних советских авторов замечает: «“Дневник писателя” в целом являет собой удивительное сочетание исторического чутья, прозрения и полной слепоты, господства превратной и предвзятой схемы»²⁹. Это утверждение, справедливое, по-видимому, в столь общей форме, не приближает нас, однако, к сути дела. Минаевское «и гениальность, и юродство» за целое столетие не претерпело, как видим, существенных трансформаций.

Правда, в годы, когда мы только приступили к нашим трудам, появились отдельные статьи Г. М. Фридендера, Л. М. Розенблюм, В. А. Туниманова, Л. С. Дмитриевой, Г. К. Шенникова, затрагивающие те или иные аспекты «Дневника». Однако ни одна из этих работ не претендовала на исследование неизвестной документальной базы и тем более — на концептуальные обобщения.

Следует упомянуть о двух вышедших в Австралии на русском языке книгах Д. В. Гришина³⁰. К сожалению, они представляют собой не столько исследование моножурнала Достоевского, сколько поверхностное и довольно сумбурное изложение его содержания (причём обе книги изобилуют фактическими ошибками). Авторский комментарий носит при этом весьма примитивный характер. Поэтому о научной ценности этих работ говорить не приходится.

Попытаемся суммировать существующие в литературе точки зрения.

Прежде всего следует отметить противопоставление «Дневника писателя» остальному творчеству Достоевского. Оговорки относительно художественности тех или иных страниц «Дневника» как бы призваны подчеркнуть несостоятельность Достоевского в сферах, выходящих за пределы его художественной компетенции.

Столь же характерно рассмотрение «Дневника писателя» как простой совокупности художественных и публицистических эссе, не связанных единством цели и замысла, т. е. по сути дела как эклектического произведения.

²⁹ Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1962. С. 415.

³⁰ Гришин Д. В. 1) «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского / Отделение русского языка и литературы Мельбурнского университета. Мельбурн, 1966; 2) Достоевский — человек, писатель, миф: Достоевский и его «Дневник писателя». Мельбурн, 1971.

«Дневник писателя» — правда, в последнее время со всё большими оговорками — рассматривается в русле официозной публицистики. К «Дневнику» подходят как к самодовлеющей, замкнутой, непластичной идеологической системе. Истоки этой системы чаще всего квалифицируются как позднеславянофильские. До последнего времени не ставился вопрос о существовании собственной исторической концепции «Дневника писателя»³¹.

Итак, перед наукой о Достоевском стоит насущная задача: интерпретировать текст «Дневника». Но дело в том, что извлечённый из реального исторического контекста «Дневник» утрачивает свои родовые черты. Поэтому не плодотворнее ли попытаться осознать «Дневник» внутри его исторической эпохи?

³¹ Напомним ещё раз: здесь зафиксировано состояние дел на первую половину 1970-х гг. Ныне, когда (с учётом наших ранних представленных здесь работ) появилась целая отрасль «дневниковедения», научная картина во многом иная.

ГЛАВА 2

«ИНТЕРЕСНЕЙШЕЕ ЛИЦО...»

Внешняя история «Дневника писателя»

Исторические предпосылки

В середине 1870-х гг. значительная часть русской интеллигенции настроена далеко не столь пессимистично, как десятилетие спустя. Пик общественного подъёма ещё не пройден: самые решительные схватки придутся на конец 25-летнего царствования Александра II. Вторая революционная ситуация¹ ещё не сложилась.

Время появления «Дневника» можно считать как бы переходным внутри самой переходной эпохи. Полной неудачей закончилось недавнее «хождение в народ». Два года оставалось до выстрела Веры Засулич и наступления полосы народовольческого террора.

Чаша весов колебалась: революция и реакция (в смысле неприятия первой) противостояли друг другу, ещё не исчерпав всех сокрытых до срока сил. Процесс, начавшийся в 1860-х гг., не был завершён. Достоевский склонен был принимать высшую точку этого процесса — 1861 г. — за точку отправную. В освобождении крестьян «сверху» автор «Дневника» усматривал многозначительный и прогностически важный исторический прецедент. Как и другие «почвенники», он полагал, что у самодержавия велик запас внутренних реформаторских потенций. Парадокс заключался

¹ Мы сохраняем здесь эту некогда обязательную для советских историков формулу. Ныне многие исследователи высказывают сомнения в её «адекватности».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- Аверкиев Дмитрий Васильевич 13, 294–297
- Авсенко, Василий Григорьевич 42
- Агафонов, Николай Яковлевич 73
- Адамович, Алесь (Александр Михайлович) 178
- Адамович, Георгий Викторович 274, 281, 590
- Адлерберг, граф Александр Владимирович 492
- Айвазовский, Иван Константинович 336
- Аксаков, Александр Николаевич 691, 694, 702–704
- Аксаков, Иван Сергеевич 23, 38, 39, 121, 122, 133, 156, 548, 624, 667–673, 676–679, 682, 684, 685, 688
- Аксаков, Константин Сергеевич 159, 683
- Аксаков, Сергей Тимофеевич 283, 684
- Александров, Михаил Александрович 14, 15, 54, 55, 65, 91–93, 96–99, 113, 114
- Александр II, российский император 22, 116, 119, 146, 180, 196, 418, 472, 503, 624, 627, 697
- Александр III, российский император 156, 334
- Алексеев, Пётр Алексеевич 174
- Алонкин (Олонкин), Иван Максимович 228, 415, 519
- Алчевская (урожд. Журавлёва), Христина Даниловна 38, 64, 65, 67, 82, 148, 158, 159, 162
- Андреев, Леонид Николаевич 273
- Андреевский, автор письма к Достоевскому* 68, 69
- Андреевский, Сергей Аркадьевич 657
- Аникиева, Прасковья Петровна 318, 447, 521, 530, 532
- Аникиев, Иван Михайлович (Ванечка), сын М. М. Достоевского и П. П. Аникиевой 331
- Анненков, Иван Васильевич 189, 196

¹ Курсивом выделены имена, встречающиеся только в примечаниях.

Игорь Леонидович Волгин

НИЧЕЙ СОВРЕМЕННОК
Четыре круга Достоевского

Корректор *А. М. Никитина, Н. В. Лесогор*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 26.10.2018. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 46. Заказ № 1212. Тираж 2000 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86